

КУЛЬТУРА И ГЛОБАЛИЗАЦИЯ

УДК 141+316.4

DOI 10.18522/2227-8656.2023.1.17

EDN PDUVOA

Тип статьи в журнале – научная

МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ ДЕСТРУКТИВНОЙ РЕАЛЬНОСТИ: СОЦИАЛЬНО- КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ

MECHANISMS OF THE FORMATION OF MODERN DESTRUCTIVE REALITY: SOCIO-COGNITIVE ASPECT

© 2023 г.

Е. А. Агапова*

Л. В. Гущина*

© 2023

Е. А. Agapova*

L. V. Gushchina*

* Южный федеральный университет,
г. Ростов-на-Дону, Россия

* Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia

Цель исследования заключается в выявлении механизмов формирования современной деструктивной реальности с точки зрения социально-когнитивного аспекта.

Objective of the study is to identify the mechanisms of formation of modern destructive reality from the point of view of the socio-cognitive aspect.

Методологическая база. Авторы рассматривают вопрос трансформации форм и средств коммуникации в современном мире и, как следствие, изменение техник манипуляции сознанием и формирования актуальной политической и культурной повестки. Основой методологии является системный подход, опирающийся на идеи и теоретические разработки крупнейших ученых современного периода.

The methodological basis of the research. The authors consider the issue of transformation of forms and means of communication in the modern world and, as a consequence, the change of techniques of manipulation of consciousness and the formation of an actual political and cultural agenda. The methodology is based on a systematic approach based on the ideas and theoretical developments of the largest scientists of the modern period.

Результаты исследования. В статье на примере поколения Z показаны кризисные моменты восприятия и передачи информации. Представлены характерные черты современной цифровой коммуникации, развитые в период снижения межличностного

Research results. The article shows the crisis moments of perception and transmission of information using the example of generation Z. The characteristic features of modern digital communication developed during the period of decreasing interpersonal interaction are

взаимодействия: дистанцированность, смысловая неопределенность и фантомность. Доступность информации и ее чрезмерность приводят к отсутствию мотивации к критическому мышлению представителей поколения информационного общества, поверхностному восприятию, а также снижению общего уровня культуры и образованности.

Перспективы исследования. Отмечается потребность в духовно-нравственной вакцинации общественного сознания с позиций традиционных культурных ценностей, укорененных в Российском культурном ядре. Именно через возрождение традиционной культуры, присущей русскому человеку как опоры, необходимо переосмыслить опыт тридцатилетнего калькирования индивидуализма, прагматизма и атомизма западной цивилизации, которое через средства массовой информации деформирует и уничтожает культурное ядро русской цивилизации, транслируя то, к чему надо стремиться человеку-потребителю, каким стандартам необходимо соответствовать (успешность, богатство, красота) при полном игнорировании духовной составляющей.

Ключевые слова: коммуникация; манипулятивные технологии; контркультура; информационное общество; трансформация культуры; кризис коммуникации.

presented: distancing, semantic uncertainty and phantomness. The availability of information and its excess lead to a lack of motivation for critical thinking of representatives of the information society generation, superficial perception, as well as a decrease in the overall level of culture and education.

Prospects of the study. There is a need for spiritual and moral vaccination of public consciousness from the standpoint of traditional cultural values rooted in the Russian cultural core. Russian russians need to rethink the experience of thirty years of calculating individualism, pragmatism and atomism of Western civilization through the revival of traditional culture, inherent in the Russian people as a support, which through the mass media deforms and destroys the cultural core of Russian civilization, broadcasting what a consumer should strive for, what standards must be met (success, wealth, beauty). while completely ignoring the spiritual component.

Keywords: communication; manipulative technologies; counterculture; information society; cultural transformation; communication crisis.

Введение

Современные реалии диктуют необходимость осмысления процессов, происходящих в обществе. Так, очевидным фактом является то, что вектор, заданный западноевропейской мыслью, выразившейся в идеологии постмодерна и контрмодерна, привел к очередному кризису. Идея создания мирового информационного пространства с унификацией мировоззрения масс, продвижение глобальной идеологии потребления и разрушение культурного ядра цивилизации, которая втягивается в процесс, предполагающий распад и уничтожение национальных государств, не вписывающихся в парадигму западноевропейской идеологии, – далеко не полный круг проблем и вызовов, стоящих перед человечеством и Россией, в частности.

Одной из глобальных угроз целостности современной России в эпоху информационной цивилизации на протяжении тридцати лет (после распада СССР) является сетевая война, которая тотально стремится охватить все структуры человеческой жизнедеятельности, в том числе экономическую, ментальную и другие сферы, добиваясь аннигиляции культуры и политической власти с целью уничтожения государственности противника.

Такому деструктивному влиянию на ядро культуры способствуют коммуникативные акты, транслируемые через все каналы средств массовой информации, обладающие, по сути, неограниченными возможностями когнитивного воздействия на реципиентов. Это обусловлено тем, что на поведение индивидуума влияют социальные взаимодействия, опыт других людей, а также массмедиа, а согласно теории социального когнитивизма, люди приобретают новые образцы поведения через наблюдение за другими моделями поведения, которые потом могут повторить. Таков механизм действия оружия нового поколения, завуалированно оказывающего влияние на массы, направляющего их против действующей власти и в результате создающего атомизированную толпу, а не нацию.

Методология исследования проблемы

Коммуникация является неотъемлемой частью человеческой жизни: люди передают, получают и обрабатывают информацию каждую секунду. Как и любая сфера человеческой жизни, коммуникация претерпевает изменения, характерные для конкретного этапа развития общества. На наш взгляд, именно коммуникативные процессы являются одной из основных движущих сил развития общества. По мнению А. В. Кирки, трансформация коммуникативных форм происходит в соответствии с «объективной действительностью: от межличностного общения, великой галактики Гутенберга, средств массовой информации до глобальной информационной сети Интернет – глобальной деревни» (Кирка, 2012). Информационное общество – общество XXI века – несет в себе абсолютно новые формы коммуникации, затрагивающие все сферы общества и уровни взаимодействия индивидов: уровни межличностных отношений и дипломатических, сферу бизнеса и образования, области культуры, политики и т.д.

С одной стороны, сфера коммуникации максимально оперативно отражает настроения социума, предстает репрезентативной системой уровня развития культуры в обществе. Но с другой стороны, именно новые формы и средства передачи информации стали инструментом формирования и трансляции определенных культурных концептов и тенденций, политической и социальной повестки.

Однако развитие новых форм коммуникации, на наш взгляд, не является однозначным процессом. Так, внедрение новых коммуникативных форматов говорит о развитии общества: технологическом и общекультурном. Но при этом новые формы коммуникации, позиционирующие себя как более открытые и свободные, предоставляют больше возможностей для проявления контркультурных течений, функционирования тех или иных деструктивных элементов, которые зачастую выступают как анонимные, опираясь на знание интересов и ценностей, и тем самым при использовании манипулятивных технологий вносят изменения в когнитивную структуру, что влечет за собой соответствующие изменения и в поведенческих проявлениях.

Механизмы формирования современной деструктивной реальности: социально-когнитивный аспект

Информация, поступающая через все источники и каналы СМИ в общество, никогда не бывает однозначной, но зачастую направлена на манипулирование общественным сознанием, т.е. внушение слушателю или наблюдателю установок, целей и мнений, продвигаемых манипулятором с помощью специально разработанных стратегий и тактик.

В то же время любая манипуляция – это разновидность психоэмоционального воздействия, она обладает скрытым характером и актуализируется максимально ненавязчиво для самого объекта манипулирования, чтобы считаться успешной и эффективной требует от манипулятора определенных навыков и мастерства.

Манипулятивное воздействие на мышление адресата не может быть рассмотрено нами как одностороннее влияние, так как манипуляция рассчитана на коммуникативное сотрудничество манипулятора и его непосредственной аудитории. Как отмечают Г. А. Копнина, О. Ю. Флисак и др., человек становится жертвой манипуляции только в том случае, если он выступает как ее соавтор и/или соучастник. Фактическая перестройка воззрений, намерений, настроения и цели, а также дальнейшие действия по новой программе в результате воздействия полученных сигналов свидетельствуют о том, что манипуляция состоялась (Копнина, 2012; Флисак, 2015). В противном случае появление сомнений, упрямства и бескомпромиссности демонстрирует защиту своей духовной программы и невозможности превращения в жертву манипуляции в дальнейшем (Копнина, 2012). Следовательно, успех манипулятивного воздействия во многом зависит от того, насколько образован и информирован адресат, насколько он готов анализировать полученную информацию и способен ли подвергнуть критике точку зрения манипулятора.

В целом, следует отметить, что в условиях постпандемии и политической нестабильности современной цифровой коммуникации присущи такие черты, как дистанцированность, смысловая неопределенность и фантомность.

Под дистанцированностью понимается обширный социокультурный разрыв в психологической, коммуникативной, профессиональной, социальной сферах представителей данного социума, сформированный в результате активной работы СМИ.

Смысловая неопределенность характеризуется фантомностью целого ряда репрезентантов медийного дискурса. Она основывается на том, что представленное суждение нельзя ни доказать, ни опровергнуть.

Фантомность в свою очередь объясняется поверхностными знаниями и опытом граждан. Как результат, информация, тщательно переработанная и видоизмененная, просачивается в массы в виде сенсации, не имеющей к реальному положению дел никакого отношения. Чем ниже уровень образования у аудитории, тем сложнее ей анализировать поступающую информацию, в результате чего ложные факты принимаются во внимание, искажая верный ход мысли. Именно поэтому адресату необходимо обладать высоким уровнем знаний, формировать собственные взгляды и убеждения для того, чтобы суметь в дальнейшем правильно проанализировать полученную информацию.

Манипулятивное воздействие в СМИ достигается различными стратегиями и тактиками, включающими в себя большое количество не только языковых, но и психологических приемов, регулярное обращение к социокультурным ценностям, дискредитацию соперника, саморекламу, представляющую объект в выгодном для него самом свете, и др. Так, стратегии дискредитации конкурентов, как правило, выявляются через критику оппонента, негативную оценку его достижений и будущих планов, указание на некомпетентность своих соперников, внушение реципиенту мысли о несостоятельности и бесперспективности продвигаемых идей и пр. В свою очередь в качестве саморекламы объект приписывает себе несуществующие достижения, строит ложные перспективы и дает обещания, которые не сможет сдержать в будущем.

В целом, следует отметить, что манипулятивные приемы и тактики определяют целый ряд речевых структур и оборотов, ориентированных на достижение конкретного манипулятивного воздействия. На наш взгляд, в этой связи следует обратить внимание на следующее расположение элементов манипулятивного воздействия, предложенное рядом авторов, таких как Н. Э. Гронская (2003), С. Г. Кара-Мурза (2003) и др.: 1) мотив, который может быть как внутренним, так и внешним,

субъективным или объективным, нацеленным на достижение конечного результата – повлиять и даже в корне изменить мнение и убеждения коммуникантов; 2) интенция, являющаяся, прежде всего, стремлением говорящего сделать общение максимально продуктивным, и суметь поделиться важнейшей информацией со своим адресатом; 3) стратегия, представляющая собой главную цель, которую ставит перед собой адресант (Кара-Мурза, 2003); 4) тактика, под которой принято понимать каждый шаг, каждое действие, предпринятое адресантом для актуализации выбранной им стратегии; 5) языковые и стилистические приемы, т.е. основной материал, реализуемый на всех уровнях языка и активно используемый адресантом (Гронская, 2005).

Одним из ярких примеров воздействия СМИ на общественное мнение, подверженное манипулированию, является формирование оценки миграционных процессов. Так, А. А. Михлин (2017) отмечает, что «столкнувшись с пагубными последствиями колоссальных миграционных потоков, буквально захлестнувших Европу в 2013–2016 гг., общественное мнение в европейских странах с благодушно-радостного резко сменилось на злобно-агрессивное» (Михлин, 2017. С. 5–14).

Таким образом, представляется очевидным то, что язык – это не только средство общения, но и средство манипуляции, активно используемое, прежде всего, в социально-политической сфере общества. В качестве примера прошлого века Ю. А. Золотарёва приводит распоряжение министерства пропаганды нацистской Германии, предписывающее называть погибших немецких солдат не «*gefallenen*» («*павшие*»), а «*ermordeten*» («*убитые*») с целью подчеркнуть злодейские намерения противника; при этом «*отступление*» следовало называть «*выравниванием линии фронта*» и т. д. (Золотарёва, 2011. С. 217–219). Кроме того, подобные примеры американского манипулирования хорошо известны во время войны во Вьетнаме, когда и появился термин «вьетнамский английский», которым называли язык публикаций о боевых действиях, насыщенный абсурдными эвфемизмами, типа: «*бомбардировку*» называли «*защитной реакцией*», «*полное уничтожение*» – «*умиротворением*», а «*обстрел своих по ошибке*» – «*дружественным огнем*» (Золотарёва, 2011. С. 217–219).

Подобные и другие виды манипуляции активизируются в условиях развития информационной среды. Отсутствие способов безопасного хранения, обновления и распространения информации способствует «широкому освещению деструктивных идеологических дискуссий, трактовок исторических событий, не соответствующих действительности, но дискредитирующих и ставящих под сомнение действия другого народа» (Агапова, 2021. С. 2–6).

Вместе с тем внедряются новые способы коммуникации и производства информации, контркультурные течения и прочие деструктивные элементы (Агапова, 2021. С. 2–6). Одним из деструктивных элементов следует считать контркультуру, которая может являться как естественной реакцией несогласия с теми или иными идеями, доминирующими в обществе или транслируемыми властью, так и искусственно создаваемым конструктом. Представители этого «особого типа субкультуры», как правило, отвергают ценности и нормы, господствующие в конкретном социуме, пытаясь отстаивать свою собственную альтернативную культуру (Агапова, 2021. С. 2–6).

Цифровой контент виртуальной реальности постепенно становится частью быта, речи, коммуникации и поведения социума. И здесь опасение вызывает и размытие границ между устной и письменной речью с примитивизацией последней или намеренным искажением лексем. Примером может послужить ставший популярным в начале 2000-х гг. так называемый «олбанский язык», подразумевающий, по замечанию О. В. Гореловой, У. Р. Кругловой и др., «употребление русского языка с фонетически почти верным, но орфографически нарочно неправильным написанием слов, частым употреблением ненормативной лексики и определенных штампов, характерных для сленгов» (Горелова, Круглова, 2022. С. 220–223), например: «*превед*», «*медвед*», «*узбагойся*», «*кросавчег*» и др.

Однако следует заметить, что популярный среди поколения миллениалов язык затрагивал только сферу интернет-коммуникации и почти не входил в употребление в разговорной речи. Но пришедшее на смену «олбанскому языку» обилие заимствований в речи поколения Z (например: «*агриться*», «*краиш*», «*кринж*», «*нуб(ик)*», «*пруф*», «*рилток*», «*рофлить*», «*чилить*», «*читер*», «*шеймить*», «*шипперить*» и пр.) задействует сферу не только интернет-коммуникаций, но и активно внедряется в повседневную разговорную речь, повсеместно транслируется популярными блогерами и музыкантами.

Принимая во внимание справедливое замечание В. Ф. Эрна о том, что «все заимствования и все научения от других национальных культур идут во благо ему, если находятся в гармонии с этим ритмом или претворяются им... различие ритмов, насильственно соединяемых, вызывает мучительные перебои. Эти перебои могут приводить к тяжелой трагедии» (цит. по: Стукалова, 2008), следует уточнить, что тревожность вызывает не наличие иностранных слов, а необоснованность и неумеренность, отсутствие разумного соотношения родной и заимствованной лексики. Кроме того, такая модная «причастность» к иноязычной сфере вовсе не

свидетельствует о высоком уровне знаний говорящих, а, скорее, наоборот, – иллюзорно компенсирует их незнание.

Кроме того, характерными чертами системы ценностей и образа жизни появившегося в эпоху глобализации и постмодернизма цифрового поколения Z являются: 1) замещение отношения к человеку как духовному существу, способному к свободному творению самого себя и пространства собственной жизни его опредмечиванием и овеществлением; 2) цифровые сервисы и инновационные технологии как неотъемлемая бытовая часть повседневной жизни; 3) предпочтение модных и престижных занятий, не требующих тяжелого физического труда; и т. д. (Агапова, 2021).

В этой связи неудивительно, что СМИ становятся базой для формирования картины мира, стереотипов, определенного типа мышления, восприятия социальной реальности и мироустройства нового поколения. Развлекательный видеоконтент, представляя собой, по сути, некую имитацию реальности, лишает своих реципиентов умения сопереживать, подменяет идеи, свойственные определенному историческому и логическому окружению, или же замещает их впечатлениями, эмоциями, симуляциями и т. п.

Таким образом, интерпретируя элементы реального мира, только частично отражающие реальность средства массовой информации задают определенный образ действительности, несомненно, оказывающий воздействие на жизнь общества в целом.

В настоящее время манипулятивные стратегии и тактики направлены, прежде всего, на создание и поддержание особого поля нервозности в обществе, что, в свою очередь, способствует снижению критического мышления и повышает внушаемость, а следовательно, и достижению цели манипулятора – превращение общества в управляемую массу, способную потреблять, а не размышлять.

Поколения, воспитанные в парадигме идеологии потребления и прагматизма, вышли на авансцену политической и экономической жизни государств, для которых единственно понятной и возможной является культура потребления. Трансформация духовных ценностей в этой связи тяготеет к полному секвестрованию в силу их неактуальности для человека-потребителя, обреченного на пассивность бытия. Это явление в современном мире является качественно новым, которое необходимо осмыслить и преодолеть для сохранения общества, культуры и государства. Другими словами, для сохранения собственной культуры и целостности государства необходимо разрушить создаваемый деструктивными каналами вымышленный мир, который призрачно походит на реальный, но избавляет индивида от сложных решений и рефлексии. В целом, картина мира вследствие манипулирования информацией формируется

таким образом, что преподносит извращенную реальность, которая при необходимости видоизменяется для новых потребностей.

В связи с этим, по мнению М. А. Бордакова, И. С. Шишкина и др., необходимо, прежде всего, обеспечить «информационную безопасность человека, общества и государства, не допустить концентрации власти в руках теневых сил и диктата их интересов посредством введения цензуры, которая способна обеспечить свободу мысли, а также идейной борьбы между отдельными лицами, группами и слоями» (Бордаков, 2015; Шишкин, 2019) общества и государства в целом.

Резюме

Таким образом, очевидно, что ни одно государство для сохранения своей целостности, территориальной и духовной, не способно обойтись без ряда ограничений. Манипулятивными технологиями создается новая, деструктивная реальность, а также происходит десциентизация научной среды, что не может не вызывать тревоги и необходимости противостоять данным негативным тенденциям.

Новая реальность середины XXI в. преподнесла человечеству новые «вызовы», когда духовно-нравственная составляющая современной цивилизации практически разрушена, отношение к человеку как таковому неоднозначно, европейская цивилизация вновь достает как манифест евгенические и европоцентристские идеи, подвергая сомнению само право на жизнь и существование государств и людей с иным образом мыслей, другой культурой, объявляя их изгоями и запрещая культурное наследие. Сложно предположить, в какой момент западная цивилизация прошла неверно точку бифуркации и вновь зашла в тупик, разделяя людей на «достойных существовать» и на нации и государства, не имеющие право на историю и культуру.

Всё это, на наш взгляд, дает повод для духовно-нравственной вакцинации общественного сознания с позиций традиционных культурных ценностей, укорененных в Российском культурном ядре. Именно через возрождение традиционной культуры, присущей русскому человеку как опоры, необходимо переосмыслить опыт тридцатилетнего калькирования индивидуализма, прагматизма и атомизма западной цивилизации, которое через средства массовой информации деформирует и уничтожает культурное ядро русской цивилизации, транслируя то, к чему надо стремиться человеку-потребителю, каким стандартам необходимо соответствовать (успешность, богатство, красота) при полном игнорировании духовной составляющей. Возможно, актуализация полемики, которая ведется сегодня в обществе, по возрождению и внедрению цензуры как охранительного механизма также является актуальной для сохранения территориальной и культурной целостности Российского государства.

Литература

Агапова Е. А. К проблеме культурных вызовов в современном российском обществе / Е. А. Агапова // Евразийский союз ученых. – 2014. – № 7-6(7). – С. 138–141. – EDN XGХОВН.

Агапова Е. А. Деструктивные «вызовы» современной цивилизации / Е. А. Агапова // Гуманитарные и социальные науки. – 2021. – Т. 89. – № 6. – С. 2–6. – DOI 10.18522/2070-1403-2021-89-6-2-6. – EDN OWIAAY.

Бордаков М. А. The dynamics of censorship traditions in Russian history / М. А. Бордаков // Преподавание истории в школе. – 2015. – № 9. – С. 69–73. – EDN THWKVR.

Горелова О. В. Компьютерный сленг в современной интернет-коммуникации / О. В. Горелова, У. Р. Круглова // Современное педагогическое образование. – 2022. – № 1. – С. 220–223. – EDN VYEDGZ.

Гронская Н. Э. Языковые механизмы манипулирования массовым политическим сознанием / Н. Э. Гронская // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Международные отношения, Политология, Регионоведение. – 2003. – № 1. – С. 220–231. – EDN HRNQXN.

Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием / С. Г. Кара-Мурза – [Изд. юбил., доп. послесл., имен. и предмет. указ.]. – Москва: Эксмо, 2008. – 862 с. – ISBN 978-5-699-10826-8.

Кирка А. В. Социально-сетевые коммуникации в политическом процессе современной России: специальность 23.00.02 «Политические институты, процессы и технологии»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата политических наук / Кирка Артем Викторович. – Москва, 2016. – 22 с. – EDN ZQHITJ.

Копнина Г. А. Речевое манипулирование: учебное пособие / Г. А. Копнина. – 3-е изд. – Москва: Флинта, 2010. – 170 с. – ISBN 978-5-9765-0060-0. – EDN QUWAFI.

Новые вызовы и угрозы национальным интересам России в Средиземноморском регионе / А. А. Михлин, В. В. Молочный, С. Н. Охремчук [и др.] // Военная мысль. – 2020. – № 6. – С. 24-42. – EDN VYUMWL.

References

Agapova E. A. (2014) On the problem of cultural challenges in modern Russian society / E. A. Agapova // Eurasian Union of Scientists. – No. 7-6(7). – Pp. 138-141.

Agapova E. A. (2021) Destructive “challenges” of modern civilization / E. A. Agapova // Humanities and Social Sciences. – Vol. 89. – No. 6. – Pp. 2-6. – DOI 10.18522/2070-1403-2021-89-6-2-6.

Bordakov M. A. (2015) The dynamics of censorship traditions in Russian history / M. A. Bordakov // Teaching history at school. – No. 9. – Pp. 69-73.

Gorelova O. V. (2022) Computer slang in modern Internet communication / O. V. Gorelova, U. R. Kruglova // Modern pedagogical education. – No. 1. – Pp. 220-223.

Gronskaya N. E. (2003) Linguistic mechanisms of manipulation of mass political consciousness / N. E. Gronskaya // Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N. I. Lobachevsky. Series: International Relations, Political Science, Regional Studies. – No. 1. – Pp. 220-231.

Kara-Murza S. G. (2008) Manipulation of consciousness / S. G. Kara-Murza – [Ed. jubilee, additional afterword, name and subject. decree]. – Moscow: Eksmo. – 862 p. – ISBN 978-5-699-10826-8.

Kirka A. V. (2016) Social network communications in the political process of modern Russia: specialty 23.00.02 “Political institutions, processes and technologies”: abstract of the dissertation for the degree of Candidate of Political Sciences / Kirka Artem Viktorovich. – Moscow. – 22 p.

Kopnina G. A. (2010) Speech manipulation: a textbook / G. A. Kopnina. – 3rd ed. – Moscow: Flinta. – 170 p. – ISBN 978-5-9765-0060-0.

New challenges and threats to Russia's national interests in the Mediterranean region (2020) / A. A. Mikhlin, V. V. Molochny, S. N. Okhremchuk [et al.] // Military Thought. – No. 6. – Pp. 24-42.

Stukalova O. V. (2008) “National cultures as special pictures of the world”: methodological recommendations for the cycle of lessons in

Стукалова О. В. «Национальные культуры как особые картины мира»: методические рекомендации к циклу уроков в старших классах / О. В. Стукалова // Педагогика искусства. – 2008. – № 2. – С. 122-133. – EDN JUAMKX.

Флисак О. Ю. Имплицитность в рамках теории речевого воздействия / О. Ю. Флисак // Вестн БДПУ. – Серия 1. – Педагогика. Психология. Филология. – 2015. – № 3 (85). – С. 87–89.

Шишкин И. С. Информационная безопасность и цензура / И. С. Шишкин // Евразийский вестник. – 2019. – № 13. – URL: <http://www.e-journal.ru/besop-st2-13.html> (дата обращения: 07.01.2023).

Для цитирования: Агапова Е. А., Гущина Л. В. Механизмы формирования современной деструктивной реальности: социально-когнитивный аспект // Гуманитарий Юга России. – 2023. – № 1(59). – С. 224–234. DOI 10.18522/2227-8656.2023.1.17 EDN PDUVOA

Сведения об авторах

Агапова Елена Анатольевна

Доктор философских наук, доцент, зав. кафедрой социальной философии Института философии и социально-политических наук, Южный федеральный университет

344065, г. Ростов-на-Дону, пер. Днепровский, 116, e-mail: eagarova@sfedu.ru

Гущина Людмила Викторовна

Кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики английского языка Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации, Южный федеральный университет

344010, г. Ростов-на-Дону, пер. Университетский, 93, e-mail: lgushchina@sfedu.ru

high school / O. V. Stukalova // Pedagogy of art. – No. 2. – Pp. 122-133.

Flisak O. Yu. (2015) Implicitness in the framework of the theory of speech impact / O. Yu. Flisak // Vesti BDP. – Seriya 1. – Pedagogy. Psychology. Philology. – No. 3 (85). – Pp. 87-89.

Shishkin I. S. (2019) Information security and censorship / I. S. Shishkin // Eurasian Bulletin. – No. 13. – URL: <http://www.e-journal.ru/besop-st2-13.html> (date of application: 07.01.2023).

История статьи:

Поступила в редакцию – 01.12.2022

Получена в доработанном виде –
28.12.2022

Одобрена – 13.01.2023

Information about authors

Elena A. Agarova

Doctor of Philosophical Sciences, associate professor, Head of the Chair of Social philosophy, Institute of Philosophy, Social and Political Sciences, Southern Federal University

344010, Rostov-on-Don, 116 Dneprovsky Lane, e-mail: eagarova@sfedu.ru

Lyudmila V. Gushchina

Candidate of Philological Sciences, associate professor of the Chair of English Theory and Practice, Institute of Philology, Journalism and Cross-cultural Communication, Southern Federal University

344010, Rostov-on-Don, Universitetsky lane, 93, e-mail: lgushchina@sfedu.ru